

«СЕРДЦЕМ И РАЗУМОМ – В СЛОВЕ»

О новой книге П.Н.Краснова

Татьяна Михайловна Дегтярёва родилась в селе Нижний Гумбет Октябрьского района Оренбургской области. Окончила Оренбургский государственный педагогический институт (филологический факультет), работала в сельских школах области, заведовала библиотекой № 10 Центральной библиотечной системы в Оренбурге. Лауреат премии имени Валериана Правдухина альманаха «Гостиный Двор» (2011). Постоянный автор журнала «Гостиный Двор».

*Перед великим умом я склоняю голову,
перед великим сердцем – колени.*

И.В.Гёте

Среди множества путей, избираемых на жизненном пути человеком, стезя писательская видится со всех сторон особенной. И, конечно, важно то, что подвигает человека к тому, чтобы избрать именно её. Причин тому должно быть много. Но если иметь в виду писательство всерьёз (не хобби, не мимолётное увлечение, не творческую позу), писательство как потребность и во всю глубину избранного дела, то, несомненно, в человеке должно наличествовать особое, ничем неукротимое стремление, даже страсть – не просто понять жизнь вокруг, но проникнуть в самые глубины человеческого бытия, чтобы затем выразить «сердцем и разумом в слове» возможную для человека полноту понятого и прочувствованного. Помните, как это схвачено Максимилианом Волошиным:

*Всё видеть, всё понять,
всё знать, всё пережить,
Все формы, все цвета
вобрать в себя глазами.
Пройти по всей земле
горящими ступнями,
Всё воспринять
и снова воплотить.*

И новая книга Петра Краснова «Сердцем и разумом — в Слове» как нельзя более подтверждает эту необходимую для серьёзного писателя данность, как и то, что творчество самого автора — это писательство как потребность и «во всю глубину». А большая часть книги, посвящённая нравственно-философским исканиям великого писателя земли русской Льва Николаевича Толстого, в этом абсолютно убеждает.

Новая книга ещё раз подтверждает и то, что Пётр Краснов не только серьёзный самобытный прозаик, но (чем дальше, тем очевиднее) писатель-философ, глубоко заглянувший в непрерывно кипящий котёл отечественных проблем. Отсюда же, несомненно, проистекает и его пристальный интерес к творчеству Льва Толстого, потому что человека, равнодушного к судьбе России, не может не волновать личность великого писателя и мыслителя, оказавшего огромное влияние на многие культурно-политические процессы, происходившие и происходящие в России.

Работы Петра Краснова, представленные в книге «Сердцем и разумом — в Слове», — это попытка на опыте толстовских исканий

разобраться в истоках ошибок и заблуждений русской интеллигенции начала 20-го века, которые привели Россию к революционным потрясениям. Объединяя в статьях о великом писателе литературу, историю и философию, этику и эстетику, Краснов уже с позиций современных реалий рассматривает те сложнейшие, «вечные» вопросы, которыми задавался и которые мучительно пытался разрешить Толстой в своём творчестве и в своей конкретной жизни.

Когда впервые я сделала попытку как-то осмыслить эти написанные в нулевых-десятых годах работы Петра Краснова, то поразила и их сложностью, и объёмом используемого в книге философско-политического багажа автора, и актуальностью обсуждаемых в книге принципиальных вопросов. И, конечно, надо иметь гражданскую отвагу и силу личных убеждений, чтобы замахнуться на такую во всех смыслах гигантскую величину, какой был и остаётся в нашей литературе и во всём русском бытии Лев Николаевич Толстой.

Но тем интересней и значительней представленное в новой книге. Обращает на себя внимание и то, что многие тревоги и опасения автора, связанные с происходившими в России в самом начале 21-го века событиями (большим числом народа русского, даже передовой частью его, на тот момент просто не осознававшимися), оказались не только не напрасными, а прямо-таки пророческими, объясняющими многое

и в проблемах дня сегодняшнего. Но при чём тут, можно спросить, Лев Толстой? Чтобы понять, при чём, надо всмотреться в книгу.

Первая работа Петра Краснова о Льве Толстом «Борьба и «сопряжение» сурового реализма и утопизма в художественных и философско-этических миропостроениях Л.Толстого» начинается с анализа того, что было главной и определяющей проблемой творчества великого русского писателя — поиска им Правды с большой буквы. Это был, как мы видим из книги, поиск той самой, «единственной и конечной» правды, которая легла бы в основу всей жизни человеческой и осчастливила всех и каждого. Высокая и достойная всяческого поклонения мечта большого человека! И такая невозможная, по убеждению автора статьи, такая детская в своей неразрешимости. В этой дерзновенной попытке пройти через непреодолимые тернии и во что бы то ни стало найти такую всех устраивающую правду и кроется, по мнению Петра Краснова, великий утопизм великого Льва Толстого.

«Он искал её всю жизнь, Правду, и в поисках её порой так далеко забредал, что снискал одновременно славу и вольнодумца, «ересиарха», и «реакционного идеалиста», и «великого путаника», а то и просто ханжи. И в этом смысле он сам широк, как Правда, — которая везде и нигде, которая всегда предельно антиномична в своих проявлениях». И речь в первой статье

новой книги идёт о неизбежном столкновении страстного желания Толстого усовершенствовать несовершенный мир с реалиями неподдающегося проповедям «объективных методов исправления» (даже такого мощного авторитета, каким был Лев Толстой) человеческого бытия.

«Человеческая скудельная, са- модельная диалектика с её жалкой логикой даже в малой мере не справляется с мощной и всеобъемлющей, миропострояющей антиномичностью бытия, пасует перед ней, — пишет Пётр Краснов, — и попытки Л.Толстого выйти, вырваться за пределы не удовлетворяющей внутренне его диалектики — в которой, как в паутине, запутались лучшие умы 19-го столетия, — поистине трудно переоценить». Героизм усилий Толстого не давал и не мог, по мысли автора, дать победы: «Это и примеры поражений ума человеческого, толстовского именно, одного из самых незаурядных (и немногих) во всей мировой истории, и одновременно примеры одоления важнейших проблем бытия единственным, чем только и можно их одолеть — **страдающим и сопереживающим сердцем...**»

Сколько-нибудь знакомые с повестями Льва Толстого о его детстве, конечно, помнят, с чего началось у него это всепоглощающее правдоискательство. Видимо, со страстной детской мечты найти некую заветную «зелёную палочку», на которой, по словам

его старшего брата Николая, вырезан «секрет того, как все люди могут быть счастливы». **«Как я тогда верил**, — напишет он много позже в «Воспоминаниях», — что есть та «зелёная палочка», на которой написано то, что должно уничтожить всё зло в людях и дать им великое благо, **так я верю и теперь**, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает». И, как мы видим из книги Петра Краснова, мечта найти такую «палочку», то есть рецепт общечеловеческого счастья, стала в определённой степени судьбой великого писателя. Нет сомнений, что при всей безнадёжности поиска такая неотступная мечта могла вырасти только из великого Сердца, каждая клеточка которого билась добротой и участием к ближнему. «Необыкновенная подвижность этого ума до конца спорила, ожесточённо и бессильно, с едва ли не детской подвижностью сердца...», и рассматриваемая статья Петра Краснова — это исследование драмы того, как эта «необыкновенная подвижность» толстовского ума так и не смогла преодолеть детскую мечту его большого сердца.

В качестве главной проблемы творческой, душевной и духовной жизни Толстого Пётр Краснов называет его «логический утопизм» в вопросах не только социально-политических, но особенно — нравственных и религиозно-философских. «Железная», «по напору прямо-таки стенобитная» логика

Льва Толстого всякий раз, по словам автора, разбивалась, сталкиваясь с великой антиномией, правящей миром. Пётр Краснов считает непосильной и несбыточной для человека толстовскую идею найти *такую единую, большую, всех устраивающую правду, как и его идею самосовершенствования и опрощения*. Автор новой книги настаивает на том, что «опростившаяся» максималистская логика эта куда больше разрушает, нежели создает, само опрощение превращается в упрощение, сводя всё к позитивистскому «полезному», пренебрегая красотой и полнотою жизни как Божьим повелением. Но вместе с тем, замечает автор, «... это сверхупорное стремление логической, рассудочной «фомкой» (публицистикой своей и «вероученьем» с осознанным отказом от Православия) взломать замок к тайнам мира сего было в нём, слава Богу, уравновешено тончайшей художнической интуицией, великим сердцем».

Пётр Краснов неоднократно подчёркивает то, что первоначально значимо в личности Льва Толстого: **его великий художнический дар** и (не менее великий) **дар «страдающего и соперничающего» сердца**. Эти дары, по его мнению, и сделали то, что не смогли сделать «острейший меч» толстовской логики и его праведный гнев, а именно развязать «многие заскорузлые узлы человеческого существования». И надо понимать, что

именно эти дары сделали Льва Толстого великим писателем и непревзойдённым авторитетом своего и дальнейшего времени. Заканчивая эту работу, Пётр Краснов с горечью о напрасности и толстовских мук, и усилий других правдоискателей, замечает:

«Тщетность врачевания ран в нас сквозь больном мире» (П.Г.Фрайер) и в человеческом падшем естестве как таковом всегда была неразрешимой для гуманистов проблемой и всегда вызывала у светской и прочей черни схожую везде реакцию». Но есть, по мнению автора статьи, у не перестающего грешить человечества спасительная сила — способность любить. «Только любовь преодолевает великую антиномию бытия».

Название следующей главы книги Петра Краснова: «Противление злу насилием: задача личная или «всехняя»?» — говорит само за себя. В горячей убеждённости Толстого о недопустимости противления какому бы то ни было насилию (злу) как нельзя более и проявляется, по мнению автора книги, утопия великого человека. «Насилие, зло, — пишет автор, — «санкционировано» и, более того, «внедрено» в это бытие свыше: тьма (зло) есть не просто отсутствие света (добра), но «досветовое» и вполне бытийное существование, она не тень, а сущность, дающая тень, загоразживающая свет. Зло является данностью и частью мира, на всякое зло найдётся в нём своё

зло (в виде противозла), и человеческая попытка «отменить» последнее выглядит и легкомысленно, и ложно — даже если речь идёт о самом распрекрасном будущем. В этом философском смысле «ненасилие» является, конечно же, типичной утопией, ложным светом». И, конечно, такой заведомо ложный утопический путь, несмотря на «циклопические усилия ума и сердца» Льва Толстого, не привёл и не мог привести к сколько-нибудь ожидаемым результатам.

Всмаатриваясь в существо вопроса о «ненасилии», Пётр Краснов пишет: «...Любая, подобная «ненасилию», человеческая истина антиномична и содержит в себе не устранимые в земном бытии противоречия». И приводит известный толстоведом ответ самого Льва Николаевича на провокационный вопрос: «Если экипаж Толстых встретят на глухой лесной дороге разбойники (и не фольклорные, но — любимое слово наше — «истинные» головорезы, каким не только чужая жизнь полушка, но и своя шейка — копейка), то Лев Николаевич и дубину, какая потолще, выломает...»

А «предлагать «ненасилие» как руководящую идею обществу, народу, государству — это не только саморазоружение перед объективно существующим и действующим злом, не только провоцирование зла на ещё большую разнузданность. В конкретно-историческом смысле это даже

не утопия, а то, что в 20-м веке принято называть «идеологической диверсией» — со всеми, как говорится, вытекающими...»

Обосновывая это положение, автор приводит пример беспрецедентного для своего времени, но, как показало время, «исторически оправданного контртеррора» Петра Аркадьевича Столыпина. И сама собой напрашивается здесь параллель с нынешними временами нескончаемых (и не только идеологических) диверсий со стороны западных противников России. И как никогда остро встаёт сегодня вопрос о невозможности, а в определённом случае даже и преступности «непротivления».

Позволю себе совсем не лирическое отступление. 2014 год. Так называемая оранжевая революция на Украине. Контртеррора (в данном случае защиты подлинных государственных интересов) не произошло. Лидер страны Виктор Янукович на него не решился, проявив то самое «непротivление». Что произошло — мы с ужасом наблюдаем уже восьмой год: развал страны, потеря государственной самостоятельности и неисчислимые и ещё не закончившиеся страдания многих и многих людей. И что ждёт Украину впереди — большой вопрос. Как и вопрос о том, что вообще ждёт весь наш разделённый и всячески раздираемый западными русофобами русский мир. Несомненно только (об этом и предупреждает в своей

работе Пётр Краснов), что ждут нас неисчислимые, с неизвестным исходом трудности. Такой вот оказалась цена «непротivления» в государственном масштабе.

Иначе, хочется верить, будет обстоять дело с Белоруссией и её, как к нему на данном этапе ни относиться, «диктатором» Александром Лукашенко, проявившим на президентских выборах 2020 года в Белоруссии волю настоящего государственника и свою личную (если не окажется сторонников) готовность защищать своё государство с автоматом в руках. Что же говорить о России, которую подобные идеологические диверсии подстерегают сегодня на каждом шагу. Через них цинично и уже бесцеремонно выстраивается вся внешнеполитическая стратегия нынешних западных идеологов. Одна только история (далеко не закончившаяся ещё) с Навальным, направленная на очередную «цветную» революцию в России, чего стоит... И следует поблагодарить русских писателей-патриотов (в их числе Петра Краснова), давно уже бьющих тревогу по этому поводу, за то, что помогают нам становиться умнее, будем надеяться, и бдительнее.

В своей книге Пётр Краснов со свойственной ему ясностью взгляда на сложнейшие вещи, опираясь на глубокий анализ толстовских работ, делает вывод о том, что «не было собственно «учения Льва Толстого», а «то, что многие считают «учением», было, скорее,

его **нравственным, совестным и одновременно эмоционально-художественным протестом**, принявшим защитную форму доктрины и направленным как внутрь, против своей несовершенной человеческой — полуживотной — природы, так и вовне, на идейно-социальное несовершенство человеческого общежития». И такой протест, пишет автор статьи, такой «порыв к идеалу самодостаточным быть в жизни вряд ли может». Иными словами, нравственный протест Толстого не может и не должен быть использован как определённая программа для каких-либо прямых действий.

Любопытно в связи с образом Льва Толстого размышление Фазили Искандера о гениях:

«Главная черта гения — простодушие. В его голове запечатлён образ правильного, естественного мира. Таким он родился. Поэтому он легко замечает и простодушно удивляется всем уродствам этого мира и проявляет, так сказать, проницательность в изображении этих уродств, к которым обычные люди привыкли и не замечают их. Но простодушие гения становится трагическим, когда он, не понимая силы сопротивления уродства, начинает с простодушной уверенностью бороться с ним». Толстой же, каким мы его видим в книге Петра Краснова, при всём своём уме боролся со злом напрямую, не переставая. Но его огромные, именно «циклопические» усилия поистине русского Дон-Кихота не

достигали и не могли, убеждает автор, достичь желаемого успеха.

В заключении работы автор пишет: «Неукротимый порыв к идеалу и в той же мере эстетический, как и этический протест против несовершенств мира стали судьбой Толстого-художника, самой драматической и тяжёлой». «Бог дал ему ярчайшие мгновения творческого просветления и счастья, как мало кому в этом мире, — но и провёл по самым тёмным и запутанным тропам вечно бедствующей, самой себе противоречащей человеческой мысли, сполна испытав его «волю к правде» и верность прямоговоренью».

Статья «Религиозное сознание в третьем тысячелетии» — размышление об одной из самых сложных проблем нашего времени: проблеме русского самосознания и о той роли, которую играет в этом неотрывное от сознания русского человека православие. Пётр Краснов пишет: «Ценность личности — как индивидуальной, так и народной, архетипической, — всегда определяется её самостоятельностью, выверенностью и суверенностью принципов своего духа и бытия». Обладать такой выверенностью неколебимых принципов и сохранять их в себе — это и во все времена, думается, очень-очень непростая задача, а уж во времена нынешние, когда со всех сторон происходит «массовое оболванивание» людей, особенно.

«Быть самим собой...», — пишет Краснов, — это значит отстаивать

и развивать, творчески совершенствовать своё, отвечать за него перед людьми и Богом». А религиозное чувство, напоминает автор, в простом, «непродвинутом» русском человеке всегда неотрывно от самосознания национального. И потому «выбор религиозного и, тем самым, национального самосознания напрямую означает для нас выбор определённого пути социально-исторического развития». Вот почему так неслучайна, так остра сегодня и так ожесточённо идеологическая агрессия Запада, направленная на разрушение нашего национально-религиозного сознания.

В статье большая тревога видящего наперёд писателя о том, сумеет ли Россия, более тысячи лет назад сделавшая свой выбор в пользу православия, «самореализоваться в очередной раз, в современных небывало жёстких и крайне неблагоприятных за всю историю России условиях — или народ будет «рассассирован» и превращён в космополитическое стадо». Писатель убеждён в опасности засилия в некоторых легковых умах таких абсолютно антиправославных, но по-своему привлекательных учений, как «теософия мадам Блаватской», как синтетическое учение Рерихов, как в своё время подаренная Толстому «Живая мораль, или Сокровищница талмудической этики» О.Я. Гурвича. Это не может не тревожить и грозит, по мнению автора, недопустимым для православного сознания «всесмешением». А именно

к этому (сомнений быть не может) устремлены авторы сегодняшних циничных, жёстких и совершенно безнравственных политехнологий.

Пётр Краснов не сомневается, что «главным, отправным и в то же время разделительным критерием в религиозном самоопределении людей» является дилемма «ко Христу» или «от Христа». Думается, осознание этого не только важно, но необходимо и прямо-таки жизнеспасительно для нас, живущих в сегодняшних двадцатых годах века 21-го.

В связи с обозначенной темой писатель вновь обращается к идее единой религии Льва Толстого. В стремлении к созданию такой «единой разумной и истинной веры для всех» писатель видит угрозу создания «нежизнеспособного объединения разноточных, разноприродных религиозных субъектов» и, как результат этого, умаления исходной веры. А это и есть, по мысли автора, прямой путь к размыванию национального самосознания и потере своей суверенности, своего самостояния в вере.

Ведь о чём в первую очередь предупреждает своей книгой Пётр Краснов? Лев Толстой — безусловный кумир, абсолютная народная любовь. За ним шли, зачастую не раздумывая, ведь он Толстой. Трудно, вопреки сердцу, принять то, что и такой человек мог в определённых вопросах ошибаться и, следовательно, вести ложным путём. Всем, любящим Толстого и его великие книги, согласиться с этим почти

невозможно. Как невозможно совместить многие аспекты его «учения» и созданный его гением удивительный русский мир (в нём живут утончённый Андрей Болконский и прелестная Наташа Ростова, добрейший Пьер Безухов и праведная княжна Марья — герои, о которых мы читаем и множество раз перечитываем, не уставая) — с тем, что создатель таких образов мог вообще в чём-то заблуждаться. Думается, что и сам автор статей о Толстом мучился этим, сознавая всю непростоту, лежащую в основе противоречий великого писателя.

Пётр Краснов подчёркивает то, что именно такая величина личности Толстого, его громадный авторитет в мировом культурном пространстве сыграли огромную роль «в расхристианивании мира». Потому как «... если Христа — как Бога, по Толстому, — нет, то «всё дозволено». В том числе позволено — самому себе — брать на себя неподъёмное: решение таких вопросов человеческого бытия — онтологических, религиозно-нравственных, социально-исторических, — которые в принципе превышают всякие силы и возможности тварного существа под названием «человек». «Толстой был одним из тех, кто, в известном смысле, «заразили» нашу интеллигенцию» атеистическим по сути стремлением переделать себя и, в особенности, других, а значит и весь мир по умозрительным калькам высшего, якобы,

достижения человеческого ума, а именно западного теоретического гуманизма».

Работа Петра Краснова — это беспристрастный анализ существования нравственно-философских поисков великого писателя и в то же время предупреждение об опасности вольных трактовок «толстовства как учения» в свете готовящихся силами зла в «новом мировом порядке» новых испытаний для христианства, а значит, прежде всего для России. А более чем наглядные обстоятельства сегодняшнего геополитического расклада и оголтелое навязывание новыми «спасителями мира» своей вяжущей по рукам и ногам «демократии» в этом абсолютно убеждают. И сегодня не успеваем мы дивиться, как бесстыдно господствующая мировая закулиса использует великие русские имена, беря из их опыта только то, что им выгодно взять. Об этом прежде всего и предупреждает автор книги «Сердцем и разумом — в Слове».

От титанического конфликта ума и сердца Льва Толстого автор книги протягивает мысль к конфликту (и к соблазнам) русской интеллигенции в целом. «Богорочески прометеевская, фаустовская, западная по своему происхождению и бытованию парадигма диалектического разума-воли, во многом соблазнившая его (Толстого), боролась в нём с русским православным, антиномичным в приятии мира сего, сердцем».

Лев Толстой, подчёркивает автор статьи, «посему и «зеркало русской революции», потому что отразил в творчестве и воплотил в жизни своей это внутреннее противоречие почти всего тогдашнего общества...», в котором не понять, «что перевешивает — русское сердце или западный волевой, знающий, как должно, разум». Пётр Краснов настаивает на том, что рассматривать противоречия великого писателя следует как противоречия именно интеллигентские, поскольку попытки синтеза западного «ума-рацио» с русским «сердечным повелением» у нас в России приводили к результатам почти катастрофическим, «...из которых выбиратья приходилось уже своим, не заёмным умом, своим страданием». Рассматривая в своей работе сложившуюся на тот момент (самое начало 21-го века) мировую политическую ситуацию и учитывая возможные варианты событий, писатель прозорливо предупреждает: «Нас ждут крайне тяжёлые времена с неизвестным исходом». Происходящее сегодня как нельзя более это подтверждает.

В своей работе «Революционная ересь» Толстого» автор, продолжая мысль об интеллигентских заблуждениях, ещё и ещё раз просматривает истоки русского либерализма («либеральщины»), сыгравшего в начале уже нынешнего века свою роковую для России роль. Он напоминает и о свойственном русским людям самоумалении,

«святом недовольстве собой», и о роли введшегося в русские гены чаадаевского скептицизма. Это, по убеждению автора статей, привело к тому, что «либеральщина наша с каким-то мазохистским сладострастьем корёжит историю своей страны, по-обезьяньи повторяя самую грязную клевету западных, ещё средневековых, и нынешних политтехнологов, безбожно черня выдающихся деятелей её, с Ивана Грозного начиная, Потёмкина и многих других, не говоря уж о Сталине и Берии». Неразумные, незрелые действия таких либералов, «колеблющие самые основания свои, историческую судьбу на излом берущие, испытывающие», убеждён автор, и развалили страну.

Работа «Две дороги. Проблема глобализации и национальной идентичности в современной литературе» среди других не менее важных работ Петра Краснова видится всё-таки особенно насущной, а в свете произошедших в мире со времени её появления событий — пророчески очевидной. Она о преступно циничной «золотой мечте» мировой закулисы (в её составе автор называет Комитет 300, Бильдербергский и Римский клубы, Трёхстороннюю комиссию) о мировом единогласии, о «полном подчинении и унификации рода людского». А для осуществления столь грандиозной мечты все средства хороши: и «не только социально-экономические, военные и политические, но и более-менее убедительные идейные

основы, нечто духовное, желательно религиозное».

«Мировые средства массового манипулирования, — подчёркивает автор, — уже давно продвигают идею создания пресловутой *«универсальной религии»*. Они беззастенчиво паразитируют на великих (Л.Толстом, Д.Андрееве), используя мечты «лучших, духовно окрылённых умов о добровольном объединении человечества в одну семью, без вражды, насилия и войн, о братском единодушии и любви, основанных на вере в единого Бога...», в своих далеко идущих коварных и абсолютно античеловеческих целях.

Сейчас-то это становится очевидным. А в 2006 году это понималось немногими. Даже лучшие русские публицисты начала века, подчёркивает автор статьи, не придавали должного значения своевременной на тот момент критике «дикой и насильственной глобализации и связанной с ней драматической утраты национальной идентичности народов». С горечью и болью Краснов пишет о «преступном беловежском стоворе, жестоко, вероломно, вопреки своей воле насильственно» разделившем русский народ. «Мы, русские, — разделённый народ», — жёстко констатирует автор. Результатом этого писатель считает распад не только СССР, но самой «исторической России как таковой, как она сложилась за тысячелетие своего развития». И далее в работе идут подтверждённые неподкупными авторитетнейшими именами отечественных

историков и лингвистов мнения о «белорусах, о малоросском и белорусском языковых наречиях как составных частях единого русского языка». Безусловно, уверен автор, «и большевистские, и нынешние «демократические» узурпаторы власти, и националисты бывших республик были и остаются крайне заинтересованы в раздроблении могучего русского народа...»

Отсюда появились всякого рода исторические измышления на этот счёт. Но как бы кто ни противостоял в своём ином мнении, писатель настаивает: **«...нет и не было, повторяю, ни в природе, ни в истории, никакого ни украинского, ни белорусского, ни великорусского «москальского» народа, нации, государственности и языка, и это научно-исторический факт»**. Беда здесь, по мнению автора статей, в том, что «даже истинная патриотическая элита народа нашего, русские писатели... не осмыслили в должной мере совершённой подонками советского истеблишмента национальной катастрофы: насильственного разделения своего народа». К чему это привело, мы с недоумением и ужасом наблюдаем сейчас.

Заканчивая эту работу, Пётр Краснов пишет: «Мы — разделённый народ, и об этом нам нельзя забывать ни на час, ни в какой ситуации, как это делали немцы, как делают корейцы и китайцы...», «к каждому значимому событию, изменению в международных и внутренних «постсоветских» отношениях мы должны подходить

в первую очередь с вопросом: **что это даёт делу воссоединения народа, как повернуть это в пользу дела?** — и в зависимости от этого действовать».

Ах, как бы услышан был этот призыв в своё время. Но беда в том, что и посейчас это не все понимают...

Работу, посвящённую 100-летию выхода статьи Льва Толстого «Не могу молчать», автор начинает с наблюдения о том, как удивительны бывают в русской литературе «сопряжения, переклички, споры и диалоги между писателями через многие десятилетия», и обращает внимание на то, как близки по своей сути произведения двух писателей земли русской: «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева и «Не могу молчать» Льва Толстого. Оба эти произведения — образцы нравственного и социального протеста, оба пропитаны «великим и непримиримым неприятием властвующего строя». Неприятием до того, что «непротивленец» насилия Толстой делает в своём дневнике запись: «Главное же, мучительное чувство бедности — не бедности, а унижения, забитости народа. *Простительны жестокость и безумие революционеров...*»

Эти записи, по мнению автора статьи, говорят о том, что «...живая, умосердечная ненависть Толстого... к существующему несправедному строю и охранительной идеологии победила в нём, по сути, его же, Льва Николаевича, установочную

квазихристианскую доктрину». Более того, Пётр Краснов приводит такую очередную запись из этого дневника: *«Существующий строй до такой степени в основах своих противоречит сознанию общества, что он не может быть исправлен, если оставить все его основы, так же, как нельзя исправить стены дома, в котором садится фундамент; нужно весь, с самого низу перестроить».*

А как же, хочется вместе с автором спросить, «непротивление»?!. Выходит, долой его? Читая эти строки из дневника великого правдолюбца, и обнять его хочется, и заплакать вместе с ним. А далее «не могу молчать» Льва Толстого логично перетекает в «не могу молчать» уже Петра Краснова (ещё одно писательское и человеческое сопряжение) с его неумолимой, не оставляющей камня на камне критикой произошедших в России перемен на рубеже 20-го и 21-го столетий. «Из всех более-менее развитых стран так называемой христианской традиции мы создали, точнее, сварганили на своей территории самый мерзостный и вызывающе несправедный режим...», а далее следует подробный разбор автором творившихся у нас в 90-х «чёрных чудес».

И теперь мы «как-никак самая свободная для всяческого зла и разврата страна в мире». С падением России-сверхдержавы — «нашим падением — во всём мире прямо на глазах драматически ускорились

все процессы обездуховления и дегуманизации, материальное резко и решительно взяло верх над идеальным». Автор не церемонится с самыми жёсткими определениями и выводами из произошедшего: «Трагическая во всех отношениях гибель Советского Союза стала, надо признать, победой худшего в мировом человеке как таковом: корысти, животного эгоизма и равнодушия, бездумья и гедонизма, переходящего в скотство». Любые комментарии перед сказанным блёкнут.

Нельзя не сказать и о статье «Революция сознания против «сознания тщеты рассуждений». В ней разъясняется главная идея толстовской работы «Революция неизбежная, необходимая и всеобщая» с её призывом «немедленно изменить сознание, а с ним и весь образ жизни как отдельного человека, так и человечества в целом, уже созревшего, якобы, для самых решительных перемен в сторону вождельного идеала». Автор книги говорит об утопичности идеалистических идей на тот момент «исторически молодой русской интеллигенции» (к которой относился и Лев Толстой), «находившейся под самыми различными влияниями и поветриями...»

Чувствуется горечь сожаления автора статьи о том, что «... исповедуемое «Вехами» (ещё один очень влиятельный сегмент русской интеллигенции начала 20-го века — Т.Д.) реформаторское... подвижничество в силу его медлительности и хлопотной

непрестанности усилий никак не устраивало «властителей дум», Толстого в том числе». Одержимость их идеей «нравственной революции сознания» с её лозунгом «Всё и сразу!» при всей благонамеренности задач и при том, что это в самом деле было проявлением, по определению отца Сергия (Булгакова) «типичного героизма», ни к чему, конечно, не привела.

Пётр Краснов задаётся вопросом, почему Лев Толстой «не услышал «исступлённости» обезбоженной интеллигенции», почему не встал на позиции «Вех», то есть на путь постепенных реформаторских преобразований. И тут же отвечает: «Да не потому ли, что сам был «исступлён и одержим» своей идеей «нравственной революции сознания» под тем же самым слоганом на знамени «Всё и сразу!» и не принял «Вехи» именно идеологически, как ему «ненужное» и даже враждебное...», «исступлен творящейся несправедностью на просторах империи, хвастливо называвшей себя «житницей Европы» и в первые 12 лет наступившего 20-го века допустившей семь (!) массовых голодов, не говоря уже о других хорошо известных и большей частью справедливых толстовских претензиях и гневных требованиях к правящим кругам страны».

Такую его позицию «нравственного героизма», замечает автор, избирательно (преследуя личные цели) использовали всякого

рода революционеры. Использовали, не понимая, не чувствуя, а главное, не разделяя стоящего за этим нравственного страдания великого писателя. И главная, как мне видится, цель и данной статьи, и других работ книги Петра Краснова — отважно, как бы вместе с Толстым, заглянув в бездну земных несовершенств, показать истоки такого страдания большого человека и вызванную этим беспощадную, именно до испупления, непримиримость к происходящим несправедливостям. Творческим итогом такой непримиримости, по мнению автора, стала книга Льва Толстого «Путь жизни». Изложенные в ней абсолютно категорические требования Толстого ко всему окружающему и прежде всего к самому себе Пётр Краснов считает мало возможными, практически невыполнимыми для обычного земного человека установками. Поведение же самого Толстого последних лет его жизни (в частности «уход великого Льва из Ясной Поляны») определяется автором как своего рода попытка «монашества в миру», иночества. «Инок — иной среди обычных, обькновенных, — пишет автор, — да и не было ли своего рода «старчеством» его беспрецедентное в русской литературе «стояние», противостояние «обычаю жизни», её гнусной и лживой обьденщине...»

Чтобы написать такие статьи о Льве Толстом, автору книги «Сердцем и разумом — в Слово»

надо было, вне всяких сомнений, самому заболеть всеми рассматриваемыми в книге проблемами, самому погрузиться в неразрешимость противоречий земного бытия, перемучиться всем этим, а затем донести до читателя всю мыслительную и сердечную мощь не прекращавшихся по жизни нравственных терзаний великого писателя земли русской. И снова удивляют исторические «сопряжения». Снова за благонамеренностью лозунгов наших оппонентов, за их неустанной заботой о прекрасном будущем «стоппроцентно демократической» России — ничем не прикрытое уже, наглое распахивание наших государственных основ людьми, которых, кроме личной корысти, ничего не заботит. Уже не раз предупреждённые нашими писателями-патриотами, неужели снова мы поведёмся на подобные дешёвые трюки? Неужели не сумеем понять до конца сами и объяснить нашей молодёжи, что и для чего делается? И новая книга Петра Краснова, как нельзя более кстати сегодня в таком важном, поистине государственного масштаба просветительстве.

Читая книгу о мучительном поиске духовного идеала великим гражданином России, с горечью сопоставляешь его с беспринципными поведенческими установками дня сегодняшнего. Трудно и представить, что сказал бы, глядя на нынешнюю, мягко сказать, нравственно неприглядную картину во всех сферах жизни,

Лев Толстой. Ведь именно нравственное и совестное лежало во главе угла всех толстовских исканий, всей его титанической борьбы за человека. И неслучайно в ответах на вопросы участников яснополянских писательских встреч Пётр Краснов настаивает: «В любом случае надо иметь в виду одну из особенностей мировосприятия Л.Н. Толстого, едва ли у кого из «титанов» прошлого встречающуюся»: он не мог, «не умел» воспринимать жестокость, вражду, ложь, эгоизм, насилие и прочие подобные «прелести» падшего человеческого мира как данность, объективно существующую и неустранимую. Он не соглашался с нею, «не мог молчать» и боролся с тем, чего заведомо не мог побороть не только в обществе, но подчас и в себе самом. И более того, творчески и духовно мощные порывы Льва Толстого, его

исповеднический опыт являются **«духовным достоянием всего человечества»**.

И, хочется добавить, достоянием и опытом сердечным. Ведь нельзя забывать, что переменить мир к лучшему страстно желал человек, который, по большому счёту, всё имел: богатство, гениальный талант, оглушительную славу. Но не мог довольствоваться этим, дар его великого сердца не позволял ему жить спокойно.

«Как мало кто знавший, но ещё больше любивший и надеющийся на людей, он потому и верил чрезмерно в нравственные способности человека, потому же и ошибался. Это и было его истинной верой — нами, людьми, не вполне заслуженной». Непростительно не сознавать этого соотечественникам великого писателя и, прежде всего, тем, кто связан с культурным просветительством.